

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.2>

УДК 330

JEL A10, A13, B10, B41, B50

Системная парадигма и разработка альтернативных стратегий построения институциональных экономических теорий¹

Виталий В. БИРЮКОВ ✉ *Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация*

Для цитирования: Бирюков, В. В. (2023). Системная парадигма и разработка альтернативных стратегий построения институциональных экономических теорий. *AlterEconomics*, 20(3), 505–526. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.2>

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы логики построения современных институциональных экономических теорий. В качестве цели исследования служит выявление парадигмальных рамок разработки альтернативных стратегий институциональных теорий и перспектив их пересмотра. Методологическую основу составили используемые в социальных науках методы междисциплинарного познания конструктивизма, учитывающие интересубъективную природу экономики. В результате анализа принципов построения институциональных теорий экономики показано, что пространственные исследовательские стратегии сложились на основе возникшей в условиях маргиналистского переворота парадигмы, в которой привлекаются коллективные феномены при описании поведения субъектов, обладающих утилитаристскими экономическими мотивами. При этом неортодоксальная стратегия предполагает построение макро-, микро- и историко-экономических теорий, исходя из выделения двух основных уровней исследования: ценностно-нормативного и институционально-инструментального; а в мейнстримовской стратегии описываются процессы, соответствующие лишь институционально-инструментальному уровню. Вместе с тем опора на сложившуюся парадигму приводит к созданию структуралистских и эклектичных теорий, фрагментарно описывающих экономику. В работе аргументируется необходимость перехода на основе конструктивистской логики к постструктуралистской парадигме, в рамках которой связь изменений субъектов и институтов анализируется исходя из двойственной природы субъектов не с позиции психологии, а как носителей экономической культуры, ее ценностей и идей. Использование данной парадигмы позволит изучать экономику как многоуровневую систему институтов, создаваемых на основе ценностного компромисса, и описывать эндогенные изменения экономики с учетом зависимости *path determinacy*, которая характеризует появление разных путей развития в ходе создания идей и институтов, связанных с новыми ценностями (*ideational path determinacy*).

Ключевые слова: методология, неинституционализм, неортодоксальные теории, институциональная экономика, постструктуралистская парадигма

Благодарность: Автор благодарит анонимных рецензентов за замечания и рекомендации по статье.

¹ © Бирюков В. В. Текст. 2023.

System Paradigm and Development of Alternative Strategies in Constructing Institutional Economic Theories

Vitaly V. BIRYUKOV

Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

For citation: Biryukov, V. V. (2023). System Paradigm and Development of Alternative Strategies in Constructing Institutional Economic Theories. *AlterEconomics*, 20(3), 505–526. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.2>

Abstract. This article addresses the key aspects of constructing contemporary theories in institutional economics. The goal is to uncover the paradigmatic framework guiding different strategies in institutional theories and their potential for change. Using interdisciplinary constructivist methods from social sciences, the study highlights the intersubjective nature of economics and contrasts the principles that serve as the foundation for the development of institutional economic theories. The study's historical review shows that shared research strategies have emerged from a paradigm rooted in the marginalist revolution. In this approach, collective phenomena explain the behavior of agents pursuing utilitarian motives. The unorthodox strategy involves constructing macro-, micro-, and historical-economic theories based on the distinction of two main levels of research: value-normative and institutional-instrumental. Meanwhile, the mainstream strategy concentrates only on institutions and tools. Relying on the established paradigm results in the creation of structuralist and eclectic theories that lead to a fragmented view of the economy. The paper advocates a transition to a poststructuralist paradigm via constructivist logic. This shift entails examining the relationship between agents and institutions from the perspective of economic culture, values, and ideas, rather than psychology. This approach enables a multi-level assessment of the economy as a system of institutions forged through value compromise. It also allows us to show internal changes, considering the impact of path determinacy linked to new values and ideas (ideational path determinacy).

Keywords: methodology, neoinstitutionalism, unorthodox theories, institutional economics, poststructuralist paradigm

Acknowledgments: The author is grateful for the comments and suggestions provided by two anonymous reviewers.

1. Введение

Происходящая в условиях конфронтации крупных держав радикальная трансформация всей архитектуры современной экономики приводит к парадигмальному изменению правил взаимодействий игроков на мировых рынках и структурных характеристик развития национальных экономик. В связи с этим возрастает значимость создания адекватных исследовательских подходов к изучению экономики как сложной системы. С системной точки зрения в экономической теории, как отмечает С.Г. Кирдина-Чэндлер, выявление закономерностей, регулирующих поведение элементов системы в виде своего рода инструкций (правил), по которым они действуют, реализуется с помощью институциональной модели (Кирдина-Чэндлер, 2021, с. 24). Противоречивый процесс эволюции экономической науки в последние десятилетия сопровождается появлением нового, более плюралистического мейнстрима и ростом критических работ, в которых указывается на многочисленные изъяны создаваемых теорий, их эклектичный характер и скромную практическую ценность. Вместе с тем сегодня сложились различные представления о современном состоянии исследований институциональной экономики и перспективах их развития.

При рассмотрении перспектив развития институциональных исследований экономики, опираясь на теорию научных революций Т. Куна, часто выделяют неоинституциональный и неортодоксальный институционализм, а также альтернативные теории институционализма, статус которых остается нечетким. Многие сторонники неоинституционализма считают, что он основывается на научной парадигме, а неортодоксальный институционализм выражает дотеоретический уровень познания экономики, являясь разновидностью народной (*folk*) теории и исследовательским тупиком. Неоинституциональные и неортодоксальные подходы парадигмально различны, т. к. опираются на разные методологические основания — индивидуализм и холизм; новые институциональные теории выступают ответвлениями мейнстримовского или неортодоксального институционализма (Ménard & Shirley, 2014; Тамбовцев, 2021). Критики указывают на бездоказательность утверждения о неортодоксальном институционализме как псевдонаучной фолк-теории, на значимость его методологии междисциплинарного анализа, необходимость пересмотра базовых принципов построения теорий мейнстрима и учебников по экономике, а также важность выявления природы кризиса экономической науки, чтобы можно было увидеть смену парадигмы (Galbraith, 2015; Stiglitz, 2018; Некипелов, 2019; Komlos, 2021; Кирдина-Чэндлер, 2021; Фролов, 2022).

Цель статьи — выявление парадигмальных рамок разработки альтернативных стратегий институциональных теорий и перспектив их пересмотра. Методологическую основу исследования составили используемые в социальных науках методы междисциплинарного познания конструктивизма, позволяющие изучать экономику с учетом ее интерсубъективной природы. Предметом исследования стал сравнительный анализ базовых принципов построения институциональных теорий экономики. Во втором разделе показана логика формирования альтернативных стратегий изучения институциональной экономики, которые используются в рамках сложившейся парадигмы, предполагающей привлечение социокультурных феноменов как экзогенных переменных при описании поведения субъектов экономики. В третьем и четвертом разделах рассмотрены особенности построения макро-, микро- и историко-экономических теорий альтернативных стратегий. В пятом разделе аргументируется необходимость перехода к постструктуралистской парадигме, которая позволяет анализировать эндогенную взаимосвязь изменений субъектов и институтов. Основные выводы, суммирующие результаты исследования, представлены в заключении.

2. Парадигмальные рамки альтернативных стратегий разработки теорий институциональной экономики

Реальная экономика выступает в виде сложной системы относительно устойчивых существенных связей, которые целесообразно рассматривать как институциональные связи, поскольку они складываются на основе создания системно связанных институтов — норм и правил, а также механизмов их реализации. Институты позволяют упорядочить взаимодействия субъектов экономики; если их нет, то нет и экономической системы (Кирдина, 2013). В исследовательских стратегиях неизбежно учитывается связь поведения субъекта и институтов, хотя она может замалчиваться и маскироваться (Hodgson, 2007; Фролов, 2022). Сложившаяся ситуация в современной экономической науке, которая характеризуется обилием частных теоретических описаний и их комбинаций, создающих эклектичную картину, воз-

ника в результате формирования своеобразной траектории ее развития под влиянием маржиналистского переворота.

На протяжении большей части XIX в. в экономической науке доминировали классическая и историческая школы, представители которых опирались на разные исследовательские парадигмы. В классической теории на основе этической традиции Аристотеля экономическое поведение рассматривалось как ценностно мотивированное, что позволяет изучать эндогенные механизмы формирования экономических связей, создаваемых субъектами в результате достижения ценностного согласия; поэтому, например, рыночная цена становится общепризнанной нормой рыночных обменов, их институциональным регулятором (Бирюков, 2022). В немецкой экономической мысли встречались еще до К. Менгера маржиналистские концепции (Streissler, 1990, p. 46). Сложившееся в исторической школе видение проблемного поля привело к использованию дуалистической парадигмы, в рамках которой субъективная теория ценности сочетается с методологическим коллективизмом (Kurz, 2016, p. 253). Данная парадигма исходит из абсолютизации различий экономических мотивов и интересов субъектов, ее сторонники считают, что экономические предпочтения субъектов несоизмеримы. Из этой предпосылки следует, что субъекты, руководствующиеся лишь сугубо частными экономическими мотивами, не способны создавать коллективные формы экономических связей, их экономические взаимодействия могут выступать лишь в виде конкуренции («войны всех против всех»). Поэтому К. Эрроу писал, что для создания экономических теорий требуются социальные элементы даже при строгих допущениях, т. к. поведение субъектов всегда опосредованно социальными отношениями, которые играют такую же важную роль в описании реальности, как и индивидуальное поведение (Arrow, 1994).

В последней трети XIX в. и в первые десятилетия XX в. ландшафт экономической науки в Европе и Америке определяли историческая школа, старый институционализм и социальные направления; «окончательный перелом» произошел в 1930-е гг., но и в это время в США процветала институционалистская мысль (Автономов, 2022; Макашева, 2022). Работы ранних институционалистов — Т. Веблена, Дж. Коммонса, У. Митчелла, К. Эйрса, Дж. К. Гэлбрейта, Г. Мюрдаля, К. Поланьи и У. Каппа — способствовали созданию неортодоксальной стратегии. Хотя при ее разработке и привлекаются идеи классической школы, но эта стратегия фактически опирается на подход исторической школы. Неортодоксальная стратегия при построении теоретического описания предполагает использование объяснительной схемы, которая включает две составные части, связанные с применением двухуровневого подхода: на ценностно-нормативном уровне анализируется влияние доминирующих ценностей на создание институтов; а на институционально-инструментальном уровне объясняется роль институтов в формировании ментальных конструкций субъектов, определяющих особенности их поведения.

Разнообразные экономические теории мейнстрима сегодня создаются в рамках исследовательской стратегии, возникшей под влиянием маржиналистского переворота, который привел к господству убеждения об этической нейтральности экономической теории. Утилитаристская трактовка экономических мотивов субъектов и опора на позитивистский подход способствовали использованию стратегии, ориентированной на институционально-инструментальное исследование экономики. Создаваемые описания предполагают, что институты определяют значение

идей, ценностей и идеологий, на основе которых появляются субъективные ментальные конструкции (Норт, 1997, с. 143).

Таким образом, возникшая на основе маржиналистского переворота конкуренция стратегий создания институциональных теорий приобрела парадоксальный характер. При всех различиях они опираются на общие парадигмальные рамки, что приводит к опоре на структуралистский подход (структура — поведение субъектов — результат) и монокаузальное описание экономических процессов. При этом стратегия создания теорий мейнстрима включает лишь институционально-инструментальную часть логической схемы, используемой в стратегии построения неортодоксальных теорий.

3. Мейнстримовская стратегия разработки экономических теорий

Теории мейнстрима разрабатываются в рамках институционально-инструментального подхода путем создания понятийного аппарата, который ориентирован на «беспристрастное» объяснение экономических процессов, складывающихся на разных уровнях экономики. Это порождает ограниченность его когнитивного потенциала и способствует заимствованию идей классической и исторической школ, а также неортодоксального институционализма. Так, Й. Шумпетер писал, что все ведущие теоретики маржинализма, такие как Джевонс, Вальрас, Менгер, Маршалл, Виксель и др., представляли экономический процесс по большей части так же, как А. Смит; они ничего не добавили к идеям предшествующего периода относительно того, как, в общем и целом, этот процесс «работает» (Шумпетер, 2001, с. 1176–1177). В свою очередь У. Баумоль утверждает, что работы, выполненные в прошлом веке и содержащие общепризнанные достижения, не расширили наиболее заметно познания по сравнению с книгами Маршалла. Наибольший научный прогресс по сравнению с началом XX в. можно обнаружить не в теоретических новациях, а в развитии эмпирических исследований (Баумоль, 2001, с. 80).

Любые версии макротеорий в отличие от микротеорий предусматривают использование в явном виде агрегированных показателей для описания динамики макропроцессов; поэтому они создаются так или иначе на основе заложенной классической школой и Дж. Кейнсом традиции изучения связи макроинститутов и поведения субъектов. Эволюция макротеорий мейнстрима происходит в результате построения различных версий кейнсианско-неоклассического синтеза исходя из экзогенной интерпретации коллективных феноменов, выступающих в виде институциональных связей и агрегированных переменных. При этом, согласно кейнсианской традиции, признается жесткость цен и не-нейтральность денег в краткосрочном периоде, а в долгосрочном периоде согласно неоклассическим убеждениям — гибкость цен и нейтральность денег. Концептуальные схемы мейнстрима и рекомендации создаются на основе неолиберального видения экономики, связанного с абсолютизацией роли рыночных институтов в ее регулировании (Stiglitz, 2018; Маевский, Рубинштейн, 2021; Бирюков, 2022).

Возникшее в 1930-х гг. разделение экономической теории на микро- и макроэкономику создало видимость возможности в рамках неоклассической теории изучать поведение рыночных субъектов без привлечения институтов. Однако в данной теории институциональные факторы участвуют в описаниях в составе предпосылок в виде различных рыночных структур, денег и других коллективных феноменов. У неоклассиков отсутствует обоснование рыночной цены как эндогенного

феномена, в связи с этим рушится вся неоклассическая теория микроэкономики (Эрроу, 1995; Некипелов, 2019; Бирюков, 2022). Запоздалое публичное признание сторонниками мейнстрима необходимости начинать анализ экономики с ее субъектов и институтов, регулирующих их взаимоотношения, привело к тому, что неоинституциональное направление исследований, возникшее под влиянием работ Р. Коуза, Д. Норта, О. Уильямсона и Э. Острома, стало опираться на базовые постулаты неоклассики (Кирдина, 2013; Greif & Mokyr, 2017).

Сложившийся неоинституциональный подход к анализу фирмы сегодня широко используется зарубежными и отечественными экономистами, однако он статичен и имеет множество недостатков (Теесе, 2019). В связи с этим широкое распространение получает эволюционный подход Р. Нельсона и С. Уинтера (Нельсон, Уинтер, 2002). На его основе стали активно создаваться альтернативные теории фирмы — ресурсная теория, предпринимательская теория, теория возможностей фирмы и др. Однако проблематичность эволюционной теории сохраняется, т. к. она не может отказаться от экзогенного описания связей деловой среды фирмы (Felin & Foss, 2019).

В последние десятилетия сложилось неоинституционально-историческое направление исследований, получившее широкую известность благодаря работам Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста, а также Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона (Норт и др. 2011; Аджемоглу, Робинсон, 2016). В рамках этого направления показано, что формирование модели с институциональными дисфункциями позволяет правящим группам получать привилегии и ренту за счет эксплуатации части общества, что порождает «потолок» экономического роста. Сегодня возникают попытки выработать более мягкие версии связи социокультурных феноменов и институтов. Но экономические изменения по-прежнему интерпретируются как следствие воспроизводства базисной институциональной матрицы, порождающей эффект «колеи», выход из которой возможен только под влиянием случайных внешних факторов. По этой причине субъекты экономики становятся «узниками» институциональных обстоятельств (Нау, 2002, р. 15).

4. Неортодоксальная стратегия исследования экономики

Неортодоксальные институционалисты в отличие от неоинституционалистов при изучении экономики исходят из более содержательной логики, в соответствии с которой теоретическое описание того или иного экономического процесса и явления включает в себя не только институционально-инструментальную составляющую, но и ценностно-нормативную. Современная волна разработки неортодоксальных теорий складывается в условиях поворота социальных наук к культуре, в рамках которого многочисленными эмпирическими исследованиями было показано значимое влияние культурных ценностей на институты (Alesina & Giuliano, 2015). В неортодоксальных исследованиях социокультурные феномены выступают исходным пунктом изучения круговой и кумулятивной причинности; поэтому особую значимость приобретают ценности, идеи, идеология и различные нормы. Вместе с тем мировоззрение представителей данного направления исследований, как правило, остается эклектичным (О'Хара, 2009, с. 38, 44).

Сторонники неортодоксального институционализма считают важным переосмотр доминирующей парадигмы проводить на основе возрождения идей классической школы. Как пишет самый известный современный политический философ

М. Сандел, необходимо восстановить связь экономической теории с традициями классической политэкономии, которая в XVII и XVIII вв. от А. Смита до К. Маркса и Дж. Ст. Милля была моральной наукой (Sandel, 2012). В связи с этим Дж. Ходжсон обращает внимание на то, что мораль является важной составляющей экономических исследований, т. к. функционирование ключевых институтов определяется моральными правилами и мотивациями. Он пишет, что создание институциональной теории требует рассмотрения вопросов власти, психологии, политики, права и многого другого, поэтому институциональные исследования должны опираться на несколько дисциплин (Hodgson, 2019). Неортодоксальные институционалисты указывают на необходимость учета системной связанности микро- и макроэкономических процессов, противоречивости интересов экономических, политических и социальных групп, особой роли государства в регулировании институциональной среды, сложной связи изменений власти, институтов и технологий. Экономические перемены они объясняют борьбой акторов за выгодное положение и результаты деятельности, но признается и важность отношений сотрудничества. Центральное микроэкономическое утверждение заключается в том, что распределение ресурсов и доходов является не функцией рынка, а реализацией власти в экономике (Сэмюэлс, 2002).

Наблюдающаяся сегодня активизация неортодоксальных макроисследований сопровождается разработкой теорий на основе традиций, заложенных классической и исторической школами, а также Дж. Кейнсом. Уже спор двух Кембриджей выявил, что различия в понимании макроэкономики не были вызваны техническими вопросами; именно идеология (этическое обоснование отдачи на капитал) и методология — две темы, которые большинство экономистов стараются избегать, — лежали в основе дебатов (Cohen & Harcourt, 2003). В ходе этого спора посткейнсианцы показали, что опирающееся на производственную функцию описание производства и распределения благ порождает видимость наличия у неоклассиков теории капитала и заработной платы, поскольку без учета влияния институтов нельзя объяснить связь между производственными факторами и доходами. В связи с этим Дж. Робинсон утверждала, что используемая неоклассиками производственная функция является мощным орудием обольщения (Robinson, 1953, p. 81). Посткейнсианцы отвергают основные положения неоклассики; в своих исследованиях они исходят из важности учета ценностных ориентаций и ожиданий субъектов, финансовых условий и распределения доходов, а также обращаются к теории финансовой нестабильности Х. Мински, к моделям роста Н. Калдора и циклического развития экономики Дж. Дози, К. Перес и др.

Неортодоксальные институционалисты выступают с резкой критикой неолиберального проекта, вызвавшего глубокие социально-экономические и геополитические потрясения; исходя из новых ценностей, они предлагают заменить устаревшее видение экономики и перейти к адекватной модели ее развития (Galbraith, 2015; Mitchell et al., 2019; Stiglitz, 2019; Komlos, 2021). В последние годы предметом широкого дискурса стала современная денежная теория (ММТ), в которой предпринята попытка предложить проект создания суверенной денежно-кредитной системы. Российская история свидетельствует об успешном использовании отдельных инструментов денежно-кредитной политики, предполагаемых ММТ (Дубянский, 2022). Сегодня российское правительство фактически в русле идей этой теории формирует новый механизм финансирования инвестиций с помо-

щью казначейских кредитов, который может стать основой построения масштабной схемы финансового обеспечения процессов стратегического планирования.

Создаваемые новые теоретические описания экономики исходят из разных аспектов ее анализа с учетом возрастания роли ценностно-когнитивных факторов в конструировании и изменении институтов. Так, сторонники идеационного поворота в изучении экономики указывают на зависимость результатов институциональных реформ от идей, возникающих под влиянием ценностных представлений акторов (Rodrik, 2014). В рамках теории экономики сложных систем обращается внимание на то, что ее субъекты пытаются осмыслить складывающиеся в данных условиях проблемы и реагируют на совместно полученные результаты. На этой основе объясняются появления пузырей и обвалов рынков, выступающих объектом манипуляции или эксплуатации (Arthur, 2021). В институционально-логических исследованиях рассматриваются гибридные образования, инкорпорирующие разные институциональные логики (Шмерлина, 2016). Ядром институциональной логики является ценность, которая лежит в основе однотипных институтов и выступает ее онтологическим фундаментом, источником легитимности входящих в нее правил, основой индивидуальной идентификации и почвой социальной активности (Greenwood et al., 2011). Интерпретация взаимовлияния институтов и акторов происходит с учетом занимаемых ими социальных позиций, их ценностей, знаний, способностей, целей, стратегий и т. д. (Whaley, 2018). Поэтому социальные группы, сообщества и социальные движения, объединенные общими ценностями, становятся ключевыми переменными, объясняющими происходящие изменения.

В настоящее время наблюдается рост потока исследований происходящих на микроуровне процессов исходя из того, что в сеть человеческих отношений, ценностей и правил встроены все экономические взаимодействия, в т. ч. все рынки (Rajan, 2019). Признание особой роли ценностно-нормативных мотивов поведения субъектов в формировании внутренних и внешних связей деловой среды фирмы ориентирует на поиск путей перехода к новой модели ее развития на основе переосмысления традиционных методов управления и создания более эффективных. Сегодня, опираясь на идеи предложенного К. Грейвзом во второй половине XX в. ценностно-спирального подхода, активно разрабатываются эволюционные теории фирмы. Так, Г.Б. Клейнер показывает появление организационной модели в виде перламутровых предприятий, выражающей в наибольшей степени две основные современные тенденции: гуманизации и цифровизации (Клейнер, 2020).

В связи с различиями в мировоззренческих позициях в настоящее время сложились альтернативные версии развития институциональной экономики. Так, приверженцы идеологии свободного рынка часто исходят из идей австрийской школы, сторонники которой заложили традицию рассматривать экономическое поведение с учетом культурного наследия общества через призму спонтанной эволюции социальных феноменов: идей, ценностей, институтов и др. Когда идеи становятся общим достоянием, то они фактически направляют развитие общества (Хайек, 2018, с. 145–147). Сегодня Д. Макклоски, опираясь на традиции австрийской школы, обосновывает важность включения этики в экономическую теорию, из которой она была изъята, по-видимому, чтобы не представлять ее подрывной наукой. Исследовательница пишет, что у неинституционалистов институты не обладают человеческим смыслом, поэтому они выступают как свалившиеся с неба. Макклоски считает, что успешность работы институтов определяется не правилами

игры, а этикой. Она предлагает создавать «экономику с человеческим лицом» в соответствии с буржуазными добродетелями, отмечая, что благодаря распространенной риторике идеи способны вызвать и прогресс, и регресс (McCloskey, 2011).

На основе ценностно ориентированного подхода сегодня создаются различные теоретические интерпретации процессов социально-экономического развития. В наиболее значимом описании данных процессов, предложенном К. Вельцелем и Р. Инглхартом, они объясняются в соответствии со структуралистской логикой, как и в рамках неоинституционально-исторического подхода; однако культурные ценности принимаются в качестве независимой переменной, определяющей траекторию институциональной трансформации (Вельцель, 2017; Инглхарт, 2018). Как пишет В.М. Полтерович, современные институционально-исторические исследования характеризуются странной особенностью — они построены на основе сочетания мультидисциплинарности и монокаузальности. Их авторы интерпретируют историю экономических и политических институтов исходя из доминирующей роли одной группы факторов и вторичности остальных (Полтерович, 2022, с. 53).

5. Постструктуралистская альтернатива институционализма

Перспективы развития экономической теории в рамках сложившейся парадигмальной логики связаны с фокусированием внимания на использовании результатов различных отраслей знания. Такое видение перспектив, как пишет А.Д. Некипелов, означает, что экономическая теория должна носить по своей сути междисциплинарный, гетерогенный характер; при этом размывание предмета ведет, в пределе, к отказу от нее как самостоятельной теории. Необходимо восстановить способности теории давать целостное представление об экономике (Некипелов, 2019, с. 32). Пересмотр вектора развития экономической теории целесообразно проводить на основе конструктивистской методологии, имеющей давнюю историю в науке и в теории познания. В социальных науках она с 1980-х гг. приобретает статус своеобразной метатеории, опираясь на работы А. Шюца, П. Бергера, Н. Лумана, П. Бурдьё и других мыслителей.

Сегодня в социальных науках, как отмечает Л.А. Микешина, возник новый этап развития, связанный с акцентированием внимания на знании субъекта, а не на его психологии; в результате используются не психологические, а другие способы получения знаний, ориентированные мировоззренческими структурами и ценностями. При этом позиция исследователя, его система ценностей становятся условием познания объекта и выбора методов построения теории. Пересмотр упрощенных представлений приводит к тому, что ценности в концепциях приобретают широкое содержание: как оценка вообще, как любой результат процедуры оценивания или как сама процедура (Микешина, 2020). Современные социологические и политические исследования активно проводятся с использованием неоинституционального и конструктивистского подходов, которые фундаментально различаются тем, что применяют разные рамки видения реальности и различные логические объяснения (Шмерлина, 2016; Алексеева, 2022). В отличие от неоинституционалистов конструктивисты исходят из ценностно ориентированной модели поведения субъектов, которые в ходе коммуникативных практик способны конструировать институциональные связи на основе обмена знаниями и достижения ценностного компромисса. Конструктивизм реализуется в разных версиях — критической, культурной, либеральной и т. д. При этом отмечается, что конструк-

тивистский анализ особенно полезен при изучении сложных институциональных систем; перспективным признается развитие группы исследований на базе постструктуралистского подхода, позволяющего описывать динамику внутри институциональной борьбы (Moon, 2013).

Сложившиеся в социальных науках направления институциональных исследований основываются на разном понимании свойств акторов и природы социальных институтов. При этом возникает консенсус в отношении того, что институты представляют собой систему встроенных социальных правил, хотя важные противоречия остаются (Hodgson, 2019, p. 113). Следует отметить, что в отличие от неoinституционалистов неортодоксальные институционалисты рассматривают институты более содержательно; они понимаются как коллективные феномены, которые характеризуют устойчивые взаимосвязи, определяющие социальное поведение людей (О'Хара, 2009, с. 39). В новом французском институционализме указано, что институты — это закономерно сложившиеся связи (регулярности), которые проявляются в виде компромиссных форм, вызванных структурными изменениями, столкновениями между социальными группами или классами (Буайе, 1997, с. 10). Сторонники постструктуралистского подхода исходят из эндогенной связи институтов и субъектов, поскольку субъекты способны создавать совместные знания и коллективные ценности. Поэтому институты интерпретируются не просто как правила игры, регулирующие взаимодействия людей, но и как разделяемые ценности, которые конструируются в ходе коммуникативных практик.

В стратегиях институциональных исследований экономики сегодня используется экзогенный в своей основе подход, который выступает скорее как мультидисциплинарный подход, поскольку в его рамках обобщенная картина предмета исследования формируется из отдельных дисциплинарных картин, выступающих в качестве ее частей. Для пересмотра исследовательских стратегий важно опираться на методологию конструктивизма в качестве междисциплинарного подхода, позволяющего предложить изучение эндогенных механизмов развития экономики на основе признания значимости ценностно-когнитивного компонента экономических процессов. Методология исследования должна исходить из особенностей экономической реальности, которая складывается в ходе экономико-коммуникативных практик субъектов, обладающих ценностно-когнитивными способностями отображения экономики в их структуре экономического мышления. Поэтому экономическая реальность включает в себя систему неформальных и формальных институтов, а также разнообразные индивидуальные и коллективные ценностно-когнитивные представления субъектов об экономике (экономические ценности, идеи, образы, ментальные конструкты и др.), на основе которых принимаются экономические решения и создаются экономико-институциональные связи.

Предлагаемый подход созвучен идеям неортодоксального институционализма, однако он предполагает отказ от доминирующей парадигмы, опирающейся на утилитаристскую модель поведения, и поворот к классической парадигме, в которой использовалась модель поведения с учетом наличия ценностно-когнитивной составляющей в структуре мышления субъектов, отличающейся от психологической. В связи с этим возникает возможность изучения поведения субъектов как носителей и создателей экономической культуры, а также понимания ценностей как способа экономического мышления. При анализе экономики как сложной системы важно учитывать, что ее элементы обладают общесистем-

ными и индивидуальными свойствами; поэтому принцип двойственности выступает сквозным принципом изучения экономики, традиции которого были заложены Аристотелем и классической теорией (Клейнер, 2019; Бирюков, 2021). Отказ от упрощенного видения экономики предполагает признание того, что все формы экономической деятельности выражают единство общих и уникальных характеристик экономического мышления и поведения субъектов, порождающих двойственность их ценностных предпочтений, целей, моделей поведения и создаваемых структур. Любые экономические решения являются результатом ценностно-когнитивного процесса, связанного с осмыслением деловой среды и формированием на основе сложившихся экономических ценностей экономических идей, интересов и формата поведения, а также использованием экономических оценок и процедуры оценивания издержек и выгод.

Экономика является своеобразной проекцией существующей в обществе системы отношений и связей. «Социальные общности», или «социальные системы», как писал еще П. Сорокин, складываются «на основе центрального ядра, состоящего из культурных смыслов ценностей и норм, которые и служат причиной, целью и основой организации и функционирования этих общностей» (Сорокин, 1998, с. 49–50)¹. Исследования великих цивилизаций и религиозных традиций убедительно свидетельствуют о содержании в себе общих этических ценностей; в связи с этим в эволюции социальных и экономических систем проявляются общие закономерности и национальные особенности.

Рассмотрение экономики как проекции социальной системы предлагает признание необходимости выделения двух основных структурных уровней. Первый уровень образует экономико-ценностная подсистема, которая выступает в качестве смыслового ядра (центральной зоны) экономики и характеризует базовые приоритеты развития экономики и общие принципы построения системы экономических институтов. На втором уровне складываются инструментальные подсистемы — организационная, финансовая, производственная, внешнеэкономическая и др. В силу двойственной природы экономической деятельности центральная зона экономики формируется как набор объединяюще-разъединяющих экономических по своему смысловому содержанию универсалий-ценностей, регулирующих экономические взаимодействия. Набор «ядерных» ценностей экономики выступает в виде матрицы базовых экономических ценностей-регуляторов, ориентирующих на достижение общих экономических выгод и поддержание баланса общих и частных экономических интересов на основе рационального соотношения в экономике разделения труда и кооперации, регламентации и свободы, равенства и неравенства, сотрудничества и конкуренции (состязательности), традиций и новаций и др.

Возникающая в национальной экономике ценностно-нормативная матрица выражает особенности сочетания парных оппозиций экономико-ценностных регуляторов и определяет специфику построения ее модели, в которой выражается противоречивая взаимосвязь общего и особенного в экономическом развитии разных стран, складывающаяся под влиянием внутренних и внешних факторов (природно-географические условия, этнический состав населения, военно-стратегические угрозы и т. д.). Такой подход соответствует современному направлению исследований в компаративистике, которое отказывается от описаний, основан-

¹ Сорокин, П. (1998). *Общие принципы цивилизованной теории и ее критика. Сравнительное изучение цивилизаций*. Хрестоматия (С. 47–53). Москва: Аспект Пресс.

ных на интерпретации западных экономик как исключительно индивидуалистических, а восточных — как только коллективистских («деспотичных», «тоталитарных» и т. д.), поскольку оба начала им свойственны.

Изучение экономики на основе постструктуралистской логики позволяет объяснить как эндогенные изменения предпочтений и целей субъектов экономики, так и ее структурную, институциональную динамику. При этом экономические институты характеризуют складывающиеся в долгосрочном, среднесрочном и краткосрочном периодах развития экономики относительно устойчивые взаимосвязи, которые создаются на основе ценностно-когнитивного компромисса ее субъектами, занимающими разные позиции в экономико-временном пространстве. Вертикальные и горизонтальные институциональные связи поддерживают некоторый баланс кооперационных и рыночных форм экономических процессов с помощью принудительных и стимулирующих мотиваций и проявляются в разных институциональных феноменах — правилах, агрегированных показателях и др. В неинституциональной теории ценности и идеи являются следствием экономического поведения субъектов в данной институциональной среде. Постструктуралистский подход заменяет инструменталистское понимание ценностей и идей субстанциональным их пониманием, а также значимой роли экономических ценностей в формировании механизмов развития экономики как сложной системы.

Для разработки адекватного реалиям исследовательского подхода важно отказаться от пренебрежительного отношения к классической теории, которое связано с распространенным мифом, что подлинно научный этап в создании экономических знаний возник в результате маржиналистского переворота. При этом вне должного внимания остается то обстоятельство, что в рамках классической теории были сформулированы в соответствии с интересубъективной природой экономики парадигмальные основы изучения эндогенного процесса формирования системы экономических отношений и связей, в котором проявляется общеэкономическая зависимость величины реального выпуска совокупного продукта от уровня производительности (эффективности) труда и затрат труда совокупного работника. В свою очередь, всеобщим экономическим законом является рост производительности труда, который происходит в результате внедрения инноваций и проявляется в экономии времени, возникновении прибавочного времени и прибавочного продукта. Сегодня актуальным остается утверждение У. Баумоля, что «современные модели роста, взятые только как теоретические конструкции, не слишком отличаются от классических моделей Рикардо и его современников», которые носили «под литературными одеждами кирасу математики» (Баумоль, 2001, с. 82). Современные модели — «всего лишь модификация «убеленной сединой» научной конструкции, а вовсе не теоретический прорыв, совершенный в XX в. Весомые достижения этого века в разработке проблем роста следует видеть [...] в том, что они облегчили эмпирические исследования» (Баумоль, 2001, с. 83). Фактически создаваемые разнообразные макроописания экономики основываются на ключевом положении классической теории, которое можно интерпретировать следующим образом: выпуск общественного продукта $Y(i, a)$ при сложившихся экономических институтах и ценностно-экономических ориентациях акторов определяется уровнем цен $P(i, a)$, производительностью труда $A(i, a)$ и совокупными затратами времени $T(i, a)$ занятого населения:

$$Y(i, a) = P(i, a) \times A(i, a) \times T(i, a).$$

В отличие от экономического мейстрима в классической школе был предложен теоретически обоснованный измеритель экономической процессов, связанный с интерпретацией феномена времени как сквозного принципа изучения экономики и универсального регулятора экономических взаимодействий, что приводит к отсутствию методологического разрыва между макро- и микроэкономикой. Важно учитывать, что происходящие в современной экономике институциональные трансформации не отменяют того, что субъекты используют коллективные формы времени в качестве эндогенного измерителя и регулятора экономической деятельности на основе сопоставления в денежной форме ее затрат и результатов. Так, валовой внутренний продукт (ВВП), представляя собой созданную в масштабе экономики величину добавленной стоимости, выражает затраты и результаты использования времени общества (Маевский, 2010). При этом деньги как особый институт позволяют применять общепринятые оценки величины общественного времени. Воспроизводство ВВП происходит под влиянием предложения и спроса и определяется распределением совокупного времени общества, которое связано с оценками, с одной стороны, затрат его на производство продуктов, а с другой — полезного результата производства. На данной основе формируются издержки производства продукта, выступающие денежной оценкой затрат общественного времени, а также цена как денежная оценка результата использования общественного времени (Бирюков, 2021; Бирюков, 2022).

Вырабатываемые сегодня рекомендации по преодолению возникающих макроэкономических проблем часто опираются на разные модификации модели классической школы, которые порождают фрагментированное восприятие реальности. При этом вне внимания оказывается то обстоятельство, что успешное преодоление институциональных ограничений развития экономики предполагает решение фундаментальной проблемы — распределения прибавочного выпуска, обеспечивающего воспроизводство и рост с учетом роли капитала, который посткейнсианцы в русле идей Маркса и Веблена трактуют как собственность, позволяющую ее владельцам присваивать долю произведенного излишка (Cohen & Harcourt, 2003).

Использование принципа двойственности способствует преодолению ограниченности традиционных интерпретаций институционального выбора и развития экономики. Так, в контрактной версии неoinституционализма выбор институтов основан на сравнении транзакционных издержек; рассматриваемый подход ориентирует на выбор эффективных форм использования общественного времени с помощью сопоставления производственных и транзакционных издержек с возможными выгодами. В неoinституционально-эволюционной теории изменения институтов описываются с позиций *path dependence* либо внешних шоков. Постструктуралистский подход позволяет рассматривать двойственный эндогенный процесс развития экономики с позиции *path determinacy*, характеризующей сложную связь настоящего с прошлым и будущим и появление в реальной экономике возможностей разных вариантов выхода из сложившейся «колеи» развития. В рамках данного подхода обращается внимание на важность описания зависимости развития экономики не только от ее институционального пути, но и от пути экономико-культурного, который складывается в ходе эволюции экономических ценностей и идей (*ideational path determinacy*), влияющих на создание экономических институтов и дальнейшее их изменение. При этом экономические идеи выполняют двойственную роль: они могут быть инновационным фактором и фак-

тором, закрепляющим сложившийся хозяйственный порядок. На данной основе, как показывает Д. Родрик, можно объяснять застой и изменения в экономической жизни, причины поддержки реформ элитами, которые раньше их блокировали (Rodrik, 2014).

Переосмысление видения экономической реальности в соответствии с ее интeрсубъективной природой способствует развороту к изучению эндогенных механизмов развития национальных экономик. Своеобразие проявления общих закономерностей в их развитии определяется особенностями достижения компромисса взаимодействующими авторами, обладающими нюансами экономического осмысления меняющейся реальности и разными ресурсами влияния (Бирюков, 2020). В связи с этим складывается иерархическая система институциональной экономики, в которой институты более верхнего уровня задают рамочные условия формирования различных институциональных структур нижнего уровня. С темпоральной точки зрения экономика включает в себя разные по продолжительности жизненного цикла ценностно-экономические основы (матрицы) построения институциональных связей — долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные. На каждом из уровней процесс конструирования является дуалистическим и содержит нормативную и когнитивную составляющие. Нормативная составляющая выступает когнитивным фильтром и предназначена для объяснения соответствия экономической идеи этико-экономическим принципам, коллективным экономическим ценностям, балансу частных и общих экономических интересов; с помощью когнитивной составляющей аргументируется выбор рационального способа использования имеющихся ресурсов. Исчерпание жизненного цикла ценностно-экономического компромисса приводит к снижению способности институтов позитивно влиять на экономическую деятельность и к институциональному кризису; при этом на первый план выходят экономические идеи субъектов, связанные с ценностными представлениями о том, какими должны быть институциональные перемены в экономике.

Происходящие в современной экономике противоречивые изменения, вызванные реализацией глобалистской версии неолиберального проекта, делают явным наличие системной связанности процессов, складывающихся на национальном и наднациональном уровнях экономики. Предложенный подход способствует изучению эндогенных процессов многоуровневой трансформации экономики, которая порождается стремлением России и развивающихся стран изменить ее институциональное устройство, позволяющее с помощью неокOLONIALных методов перераспределять национальные богатства в интересах финансово-олигархических кланов. В условиях смены технико-экономической парадигмы и беспрецедентного санкционного давления на российскую экономику крайне важным является ее переход к адекватной реалиям модели, которая предусматривает отказ от традиционного понимания экономической реальности, конструирование экономических ценностей и институциональных регуляторов внешних и внутренних экономических связей, позволяющих на основе формирования баланса частных и общих интересов успешно решать проблемы обеспечения суверенного финансово-экономического и технологического развития.

Предлагаемый подход предусматривает пересмотр категориального аппарата экономической теории с учетом базовых идей классической и неортодоксальной теории. Новую парадигму важно разрабатывать, опираясь на позитивные резуль-

таты выполненных исследований критиков и сторонников мейнстрима. Для поиска рациональных решений нужно принимать во внимание культурные, социально-психологические и политические особенности общества (Некипелов, 2019; Кирдина-Чэндлер, 2021). Вместе с тем следует учитывать, что смена исследовательской парадигмы затрудняется не только сложившимися стереотипами экономического мышления; за традиционной интерпретацией дисциплины стоят мировоззренческие предпочтения, политические пристрастия и чудовищный корыстный интерес тех, кто оказывает финансовую поддержку для сохранения статуса-кво, включая финансирование научно-исследовательских центров (Komlos, 2021).

6. Выводы

Концептуальные изъяны современных стратегий исследования институциональной экономики являются следствием использования возникшей в условиях маргиналистского переворота дуалистической парадигмы, базирующейся на утилитаристской трактовке экономических мотивов и привлечении экзогенных коллективных феноменов. Сложившаяся в рамках данной парадигмы стратегия неортодоксальных исследований исходит из анализа их проведения на двух основных уровнях: ценностно-нормативном и институционально-инструментальном; а в мейнстримовской стратегии описываются процессы, соответствующие лишь институционально-инструментальному уровню. Запоздалое признание мейнстримом институтов вызвало создание неинституциональных теорий во многом с помощью привлечения идей классической и исторической школ, а также неортодоксальных теорий. Неортодоксальные институционалисты в отличие от неинституционалистов опираются на ценностно ориентированный подход, что предусматривает изучение более широкого круга переменных; в связи с этим с помощью данного подхода сегодня активно формируются новые направления исследований. Вместе с тем развитие экономической мысли в рамках традиционной парадигмы предполагает создание экзогенных и эклектичных теорий, формирующих фрагментальную картину экономической реальности.

Выход за сложившиеся парадигмальные рамки предлагается осуществлять на основе формирования постструктуралистского видения экономики с помощью конструктивистской логики. Такая исследовательская перспектива предполагает изучение экономики исходя из ее интересубъективной природы, а ее субъектов не с позиции психологии, а как носителей экономических ценностей, лежащих в фундаменте их экономической культуры; опираясь на ценности, субъекты формируют экономические идеи, интересы, цели, модели поведения и взаимодействия. При этом в связи с двойственной природой субъектов возникает двойственный характер их экономической деятельности, экономических процессов и экономических структур. На данной основе появляется возможность содержательного объяснения как изменений субъектов, так и институциональной динамики экономики, в которой предпочтения и цели субъектов формируются эндогенно, а институциональные связи на всех уровнях экономики складываются в результате ценностного компромисса. Предлагаемый постструктуралистский подход способствует построению категориальной схемы, описывающей эндогенные механизмы развития современной экономики, и разработке на основе ее системно-целостного видения рекомендаций для экономической политики.

Список источников

- Автономов, В. С. (2022). Три источника и три героя маргиналистской революции. *Вопросы экономики*, 7, 104–122. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-7-104-122>.
- Аджемоглу, Д., Робинсон, Дж. (2016). *Почему одни страны богатые, а другие бедные*. Москва: Издательство АСТ, 693.
- Алексеева, Т. А. (2022). Агент-структурные отношения: методология конструктивизма. *Политические исследования*, 4, 77–93. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.07>
- Баумоль, У. (2001). Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию. *Вопросы экономики*, 2, 73–107.
- Бирюков, В. В. (2020). Ценности, институты и экономическое развитие. *Общество и экономика*, 4, 5–24. <https://doi.org/10.31857/S020736760009149-2>
- Бирюков, В. В. (2021). Дуалистическая теория стоимости и особенности изучения экономики как сложной системы. *Общество и экономика*, 10, 20–40. <https://doi.org/10.31857/S020736760015969-4>
- Бирюков, В. В. (2022). Альтернативные институциональные стратегии разработки монетарных теорий. *AlterEconomics*, 19(2), 262–282. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-2.4>
- Буайе, Р. (1997). *Теория регуляции: Критический анализ*. Москва: Науч.-изд. Центр «Наука для общества»: РГГУ, 212.
- Вельцель, К. (2017). *Рождение свободы*. Москва: ВЦИОМ, 403.
- Дубянский, А. Н. (2022). Современная денежная теория: историческая ретроспектива. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, 38(3), 416–435. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2022.304>
- Инглхарт, Р. (2018). *Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как меняется этот мир*. Пер. с англ. С. Л. Лопатиной, под ред. М. А. Завадской, В. В. Косенко, А. А. Широкаковой. Москва: Мысль, 347.
- Кирдина, С. (2013). Методологический индивидуализм и методологический институционализм. *Вопросы экономики*, 10, 66–89. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-10-66-89>
- Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2021). Системная парадигма и перспективы институционального синтеза в экономике. *Экономическая наука современной России*, 3(94), 17–32. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-3\(94\)-17-32](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-3(94)-17-32)
- Клейнер, Г. Б. (2019). Принципы двойственности в свете системной экономической теории. *Вопросы экономики*, 11, 127–149. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-11-127-149>
- Клейнер, Г. Б. (2020). Спиральная динамика, системные циклы и новые организационные модели: перламутровые предприятия. *Российский журнал менеджмента*, 18(4), 471–496. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2020.401>
- Маевский, В. (2010). Кругооборот основного капитала и экономическая теория. *Вопросы экономики*, 3, 65–85. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-3-65-85>
- Маевский, В. И., Рубинштейн А. А. (2021). Концепция макроэкономической политики компромисса между инфляцией и ростом. *Журнал экономической теории*, 18(4), 485–496. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-4.1>
- Макашева, Н. А. (2022). Маргиналистская революция: событие, процесс, миф? *Вопросы экономики*, 11, 5–23. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-11-5-23>
- Микешина, Л. А. (2020). Проблема ценностей в социологической науке: эпистемологический анализ. *Социологические исследования*, 12, 44–53. <https://doi.org/10.31857/S013216250011917-1>
- Некипелов, А. Д. (2019). Кризис в экономической науке — природа и пути преодоления. *Вестник Российской Академии наук*, 89(1), 24–37. <https://doi.org/10.31857/S0869-587389124-37>
- Нельсон, Р. Р., Уинтер, С. Дж. (2002). *Эволюционная теория экономических изменений*. Пер. с англ. М. Каждана, В. Макарова. Москва: Дело, 536.
- Норт, Д. (1997). *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Пер. с англ. А. Н. Нестеренко; под науч. ред. и с предисл. Б. З. Мильнера. Москва: Фонд экономической книги «Начала», 180.

Норт, Д., Уоллис, Дж., Вайнгаст, Б. (2011). *Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. Перевод с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. Москва: Изд-во Института Гайдара, 480.

О'Хара, Ф. (2009). Современные принципы неортодоксальной политической экономики. *Вопросы экономики*, 12, 38–57. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2009-12-38-57>

Полтерович, В. М. (2022). На пути к общей теории социально-экономического развития: к синтезу двух канонов. *Вопросы теоретической экономики*, 1, 48–57. https://doi.org/110.52342/2587-7666VTE_2022_1_48_57

Сэмюэлс, У. (2002). Институциональная экономическая теория. *Панорама экономической мысли конца XX века*. Т. 1. (С. 125–141). Санкт-Петербург: Экономическая школа.

Тамбовцев, В. Л. (2021). Возможна ли единая институциональная экономическая теория? *Вопросы экономики*, 1, 33–51. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-33-51>

Фролов, Д. П. (2022). Будущее плюралистичной институциональной теории. *Вопросы экономики*, 4, 45–69. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-4-45-69>

Хайек, Ф. А. (2018). *Конституция свободы*. Москва: Новое издательство, 528.

Шмерлина, И. А. (2016). «Институциональная логика»: критический анализ направления. *Социологический журнал*, 22(4), 110–138. <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.4.481>

Шумпетер, Й. (2001). *История экономического анализа*. В 3-х томах. Т. 3. Пер. с англ. под ред. В. С. Автономова. Санкт-Петербург: Экономическая школа, 688.

Эрроу, К. Дж. (1995). К теории ценового приспособления. *Вехи экономической мысли. Т. 2. Теория фирмы* (С. 432–447). Санкт-Петербург: Экономическая школа.

Alesina, A., Giuliano, P. (2015). Culture and Institutions. *Journal of Economic Literature*, 53(4), 898–944. <https://doi.org/10.1257/jel.53.4.898>

Arrow, K. J. (1994). Methodological individualism and social knowledge. *The American Economic Review*, 84(2), 1–9.

Arthur, W. B. (2021). Foundations of Complexity Economics. *Nature Review Physics*, 3, 136–145. <https://doi.org/10.1038/s42254-020-00273-3>

Cohen, A. J., Harcourt, G. C. (2003). Whatever Happened to the Cambridge Capital Theory Controversies? *Journal of Economic Perspectives*, 17(1), 199–214. <http://dx.doi.org/10.1257/089533003321165010>

Felin, T., Foss, N. (2019). Microfoundations for Institutional Theory? *Microfoundations of Institutions (Research in the Sociology of Organizations, Vol. 65B* (pp. 393–408)). In Haack P., Sieweke J., Wessel L. (Eds.). Bingley: Emerald Publishing Limited. <https://doi.org/10.1108/S0733-558X2019000065B031>

Galbraith, K. (2015). *The End of Normal: The Great Crisis and the Future of Growth*. NY, London: Simon & Schuster, 304.

Greenwood, R., Raynard, M., Kodeih, F., Micelotta, E. R., Lounsbury, M. (2011). Institutional Complexity and Organizational Responses. *The Academy of Management Annals*, 5(1), 317–371. <http://dx.doi.org/10.1080/19416520.2011.590299>

Greif, A., Mokyr, J. (2017). Cognitive Rules, Institutions, and Economic Growth: Douglass North and Beyond. *Journal of Institutional Economics*, 13(1), 25–52. <https://doi.org/10.1017/S1744137416000370>

Hay, C. (2002). *Political Analysis*. Hampshire, N.Y.: Palgrave, 314. <https://doi.org/10.1007/978-0-230-62911-0>

Hodgson, G. M. (2007). Institutions and Individuals: Interaction and Evolution. *Organization Studies*, 28(1), 95–116. <https://doi.org/10.1177/0170840607067832>

Hodgson, G. M. (2019). Prospects for Institutional Research. *RAUSP Management Journal*, 54(1), 112–120. <https://doi.org/10.1108/RAUSP-11-2018-0112>

Komlos, J. (2021). How to Change Economics 101. *Challenge*, 64(3), 182–219. <https://doi.org/10.1080/05775132.2021.1932135>

Kurz, H. (2016). German and Austrian schools. In H. D. Kurz, G. Faccarello (Eds.). *Handbook on the History of Economic Analysis*. Vol. II. (pp. 252–273). Cheltenham: Edward Elgar.

- McCloskey, D. (2011). *Bourgeois Dignity: Why Economics Can't Explain the Modern World*. Chicago and London: Chicago University Press, 592.
- Ménard, C., Shirley, M. M. (2014). The Future of New Institutional Economics: From Early Intuitions to a New Paradigm? *Journal of Institutional Economics*, 10(4), 541–565. <https://doi.org/10.1017/S174413741400006X>
- Mitchell, W., Wray, L. R., Watts, W. (2019). *Macroeconomics*. London: Macmillan; Red Globe Press, 604.
- Moon, D. S. (2013). Tissue on the Bones: Towards the Development of a Post-Structuralist Institutionalism. *Politics*, 33(2), 112–123. <https://doi.org/10.1111/1467-9256.12004>
- Rajan, R. (2019). *The Third Pillar: How Markets and the State Leave the Community Behind*. New York: Penguin Press, 464.
- Robinson, J. (1953). The Production Function and the Theory of Capital. *Review of Economic Studies*, 21(2), 81–106.
- Rodrik, D. (2014). When Ideas Trump Interests: Preferences, Worldviews, and Policy Innovations. *Journal of Economic Perspectives*, 28(1), 189–208. <https://doi.org/10.1257/jep.28.1.189>
- Sandel, M. (2012). *What Money Can't Buy: The Moral Limits of Markets*. London: Allen Lane, 244.
- Stiglitz, J. E. (2018). Where Modern Macroeconomics Went Wrong. *Oxford Review of Economic Policy*, 34(1–2), 70–106.
- Stiglitz, J. E. (2019). *People, Power, and Profits: Progressive Capitalism for an Age of Discontent*. New York; London: W.W. Norton, 366.
- Streissler, E. (1990). The Influence of German Economics on the Work of Menger and Marshall. In B. Caldwell (Ed.). *Carl Menger and His Legacy in Economics* (pp. 31–68). Durham: Duke University Press.
- Teece, D. J. (2019). A Capability Theory of the Firm: An Economics and (Strategic) Management Perspective. *New Zealand Economic Papers*, 53(1), 1–43. <https://doi.org/10.1080/00779954.2017.1371208>
- Whaley, L. (2018). The Critical Institutional Analysis and Development (CIAD) Framework. *International Journal of the Commons*, 12(2), 137–161. <https://doi.org/10.18352/ijc.848>

References

- Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2016). *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty]*. Moscow, Russia: AST Publ., 693. (In Russ.)
- Alekseyeva, T. A. (2022). Agent-strukturnye otnosheniya: metodologiya konstruktivizma [Agent-structure Relations: Methodology of Constructivism]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]*, 4, 77–93. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.07> (In Russ.)
- Alesina, A., & Giuliano, P. (2015). Culture and Institutions. *Journal of Economic Literature*, 53(4), 898–944. <https://doi.org/10.1257/jel.53.4.898>
- Arrow, K. J. (1994). Methodological individualism and social knowledge. *The American Economic Review*, 84(2), 1–9.
- Arrow, K. J. (1995). K teorii cenovogo prisposobleniya [Toward a Theory of Price Adjustment]. *Vehi ekonomicheskoy mysli. T. 2. Teoriya firmy [Milestones of Economic Thought. Vol. 2. Theory of the firm]* (pp. 432–447). St. Petersburg, Russia: Economic School Publ. (In Russ.)
- Arthur, W. B. (2021). Foundations of Complexity Economics. *Nature Review Physics*, 3, 136–145. <https://doi.org/10.1038/s42254-020-00273-3>
- Avtonomov, V. S. (2022). Tri istochnika i tri geroya marzhinalistskoi revolyutsii [Three Sources and Three Heroes of Marginal Revolution]. *Voprosy Ekonomiki*, 7, 104–122. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-7-104-122> (In Russ.)
- Baumol, W. (2001). Chego ne znal Alfred Marshall: vklad XX stoletiya v ekonomicheskuyu teoriyu [What Alfred Marshall Did Not Know: The Contribution of the XX Century to Economic Theory]. *Voprosy ekonomiki*, 2, 73–107. (In Russ.)

Biryukov, V. (2020). Cennosti, instituty i ekonomicheskoe razvitie [Values, Institutions and Economic Development]. *Obshchestvo i ekonomika [Society and economics]*, 4, 5–24. <https://doi.org/10.31857/S020736760009149-2> (In Russ.)

Biryukov, V. (2021). Dualisticheskaya teoriya stoimosti i osobennosti izucheniya ekonomiki kak slozhnoi sistemy [The Dualistic Theory of Value and Features of the Study of Economics as a Complex System]. *Obshchestvo i ekonomika [Society and economics]*, 10, 20–40. <https://doi.org/10.31857/S020736760015969-4> (In Russ.)

Biryukov, V. V. (2022). Al'ternativnye institutsional'nye strategii razrabotki monetarnykh teorii [Alternative Institutional Strategies for Constructing Monetary Theories]. *AlterEconomics*, 19(2), 262–282. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-2.4> (In Russ.)

Boyer, R. (1997). *Teoriya regulyatsii: Kriticheskii analiz [Regulation Theory: Critical Analysis]*. Moscow, Russia: Scientific Research Center “Science for Society”: Russian State University for the Humanities, 212. (In Russ.)

Cohen, A. J., & Harcourt G. C. (2003). Whatever Happened to the Cambridge Capital Theory Controversies? *Journal of Economic Perspectives*, 17(1), 199–214. <http://dx.doi.org/10.1257/089533003321165010>

Dubyanskiy, A. N. (2022). Sovremennaya denezhnaya teoriya: istoricheskaya retrospektiva [Modern Monetary Theory: A Historical Retrospective]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika [St Petersburg University Journal of Economic Studies]*, 38(3), 416–435. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2022.304> (In Russ.)

Felin, T., & Foss, N. (2019). Microfoundations for Institutional Theory? *Microfoundations of Institutions (Research in the Sociology of Organizations, Vol. 65B (pp. 393–408))*. In Haack P., Sieweke J., Wessel L. (Eds.). Bingley: Emerald Publishing Limited. <https://doi.org/10.1108/S0733-558X2019000065B031>

Frolov, D. P. (2022). Budushchee plyuralistichnoi institutsional'noi teorii [The Future of Pluralistic Institutional Theory]. *Voprosy Ekonomiki*, 4, 45–69. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-4-45-69> (In Russ.)

Galbraith, K. (2015). *The End of Normal: The Great Crisis and the Future of Growth*. NY, London: Simon & Schuster, 304.

Greenwood, R., Raynard, M., Kodeih, F., Micelotta, E. R., & Lounsbury, M. (2011). Institutional Complexity and Organizational Responses. *The Academy of Management Annals*, 5(1), 317–371. <http://dx.doi.org/10.1080/19416520.2011.590299>

Greif, A., & Mokyry, J. (2017). Cognitive Rules, Institutions, and Economic Growth: Douglass North and Beyond. *Journal of Institutional Economics*, 13(1), 25–52. <https://doi.org/10.1017/S1744137416000370>

Hay, C. (2002). *Political Analysis*. Hampshire, N.Y.: Palgrave, 314. <https://doi.org/10.1007/978-0-230-62911-0>

Hayek, F. A. (2011). *Konstitutsiya svobody [The Constitution of Liberty]*. Moscow, Russia: Novoe Izdatelstvo Publ., 528. (In Russ.)

Hodgson, G. M. (2007). Institutions and Individuals: Interaction and Evolution. *Organization Studies*, 28(1), 95–116. <https://doi.org/10.1177/0170840607067832>

Hodgson, G. M. (2019). Prospects for Institutional Research. *RAUSP Management Journal*, 54(1), 112–120. <https://doi.org/10.1108/RAUSP-11-2018-0112>

Inglehart, R. (2018). *Kul'turnaya evolyutsiya: kak izmenyaetsya chelovecheskie motivatsii i kak menyaetsya etot mir [Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World]*. Translated from English by S. L. Lopatina. In M. A. Zavadskaya, V. V. Kosenko, A. A. Shirokanova (Eds.). Moscow, Russia: Mysl Publ., 347. (In Russ.)

Kirdina, S. (2013) Metodologicheskii individualizm i metodologicheskii institutsionalizm [Methodological Individualism and Methodological Institutionalism]. *Voprosy Ekonomiki*, 10, 66–89. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-10-66-89> (In Russ.)

Kirdina-Chandler, S. G. (2021). Sistemnaya paradigma i perspektivy institutsional'nogo sin-teza v ekonomike [The System Paradigm and the Prospects for "Institutional Synthesis" in Economic Theory]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii [Economics of Contemporary Russia]*, 3(94), 17–32. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-3\(94\)-17-32](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-3(94)-17-32) (In Russ.)

Kleiner, G. B. (2019). Printsipy dvoistvennosti v svete sistemnoi ekonomicheskoi teorii [The Principles of Duality in the Light of the System Economic Theory]. *Voprosy Ekonomiki*, 11, 127–149. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-11-127-149> (In Russ.)

Kleiner, G. B. (2020). Spiral'naya dinamika, sistemnye tsikly i novye organizatsionnye modeli: perlamutrovye predpriyatiya [Spiral Dynamics, System Cycles and New Organizational Models: Pearlescent Enterprises]. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta [Russian Management Journal]*, 18(4), 471–496. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2020.401> (In Russ.)

Komlos, J. (2021). How to Change Economics 101. *Challenge*, 64(3), 182–219. <https://doi.org/10.1080/05775132.2021.1932135>

Kurz, H. (2016). German and Austrian Schools. In H. D. Kurz, G. Faccarello (Eds.). *Handbook on the History of Economic Analysis*. Vol. II. (pp. 252–273). Cheltenham: Edward Elgar.

Maevsky, V. I., & Rubinstein, A. A. (2021). Konceptiya makroekonomicheskoy politiki kompromissa mezhdu inflatsiey i rostom [The Concept of Macroeconomic Policy Based on the Compromise between Inflation and Growth]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Russian Journal of Economic Theory]*, 18(4), 485–496. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-4.1> (In Russ.)

Makasheva, N. A. (2022). Marzhinalistskaya revolyutsiya: sobytie, protsess, mif? [The Marginalist Revolution: An Event, a Process or a Myth?]. *Voprosy Ekonomiki*, 11, 5–23. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-11-5-23> (In Russ.)

Mayevsky, V. (2010). Krugoborot osnovnogo kapitala i ekonomicheskaya teoriya [Reproduction of Fixed Capital and Economic Theory]. *Voprosy ekonomiki*, 3, 65–85. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-3-65-85> (In Russ.)

McCloskey, D. (2011). *Bourgeois Dignity: Why Economics Can't Explain the Modern World*. Chicago and London: Chicago University Press, 592.

Ménard, C., & Shirley, M. M. (2014). The Future of New Institutional Economics: From Early Intuitions to a New Paradigm? *Journal of Institutional Economics*, 10(4), 541–565. <https://doi.org/10.1017/S174413741400006X>

Mikeshina, L. A. (2020). Problema tsennosti v sotsiologicheskoi nauke - epistemologicheskii analiz [The Problem of Values in Modern Sociology: An Epistemological Analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Research]*, 12, 44–53. <https://doi.org/10.31857/S013216250011917-1> (In Russ.)

Mitchell, W., Wray, L. R., & Watts, W. (2019). *Macroeconomics*. London: Macmillan; Red Globe Press, 604.

Moon, D. S. (2013). Tissue on the Bones: Towards the Development of a Post-Structuralist Institutionalism. *Politics*, 33(2), 112–123. <https://doi.org/10.1111/1467-9256.12004>

Nekipelov, A. D. (2019). Krizis v ekonomicheskoy nauke — priroda i puti preodoleniya [The Crisis in Economics — Nature and Ways to Overcome it]. *Vestnik Rossijskoj Akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*, 89(1), 24–37. <https://doi.org/10.31857/S0869-587389124-37> (In Russ.)

Nelson, R. R., & Winter, S. G. (2002). *Evolutsionnaya teoriya ekonomicheskikh izmenenii [An Evolutionary Theory of Economic Change]*. Translated from English by M. Kazhdan, V. Makarov. Moscow, Russia: Delo Publ., 536. (In Russ.)

North, D. C. (1997). *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki [Institutions, Institutional Change, and Economic Performance]*. Translated from English by A. N. Nesterenko. In B. Z. Milner (Ed.). Moscow, Russia: Nachala, 180. (In Russ.)

North, D. C., Wallis, J. J., & Weingast, B. R. (2011). *Nasilie i sotsial'nye poryadki: Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]*. Translated from English by D. Uzlaner,

M. Markov, D. Raskov, A. Raskova. Moscow, Russia: Gaidar Institute for Economic Policy Publ., 480. (In Russ.)

O'Hara, P. (2009). *Sovremennye printsipy neortodoksal'noi politicheskoi ekonomiki* [Contemporary Principles of Heterodox Political Economy]. *Voprosy Ekonomiki*, 12, 38–57. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2009-12-38-57> (In Russ.)

Polterovich, V. M. (2022). *Na puti k obshchei teorii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: k sintezu dvukh kanonov* [On the Way to a General Theory of Socio-Economic Development: Towards the Synthesis of Two Canons]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Economic Theory]*, 1, 48–57. https://doi.org/110.52342/2587-7666VTE_2022_1_48_57 (In Russ.)

Rajan, R. (2019). *The Third Pillar: How Markets and the State Leave the Community Behind*. New York: Penguin Press, 464.

Robinson, J. (1953). The Production Function and the Theory of Capital. *Review of Economic Studies*, 21 (2), 81–106.

Rodrik, D. (2014). When Ideas Trump Interests: Preferences, Worldviews, and Policy Innovations. *Journal of Economic Perspectives*, 28 (1), 189–208. <https://doi.org/10.1257/jep.28.1.189>

Samuels, W. J. (2002) *Institutsional'naya ekonomicheskaya teoriya* [Institutional Economics]. *Panorama ekonomicheskoi mysli v kontse 20 veka [Companion to Contemporary Economic Thought]*. Vol. 1 (pp. 125–141). St. Petersburg, Russia: Economic School Publ. (In Russ.)

Sandel, M. (2012). *What Money Can't Buy: The Moral Limits of Markets*. London: Allen Lane, 244.

Schumpeter, J. (2001). *Istoriya ekonomicheskogo analiza [History of Economic Analysis]*. In 3 Vols. Vol. 3. Translated from English. In V. S. Avtonomov (Ed.). St. Petersburg, Russia: Economic School Publ., 688. (In Russ.)

Shmerlina, I. A. (2016). “Institutsional'naya logika”: kriticheskiy analiz napravleniya [“Institutional Logics”: Critical Analysis of the Direction]. *Sotsiologicheskii Zhurnal [Sociological Journal]*, 22 (4), 110–138. <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.4.4812> (In Russ.)

Stiglitz, J. E. (2018). Where Modern Macroeconomics Went Wrong. *Oxford Review of Economic Policy*, 34 (1–2), 70–106.

Stiglitz, J. E. (2019). *People, Power, and Profits: Progressive Capitalism for an Age of Discontent*. New York; London: W.W. Norton, 366.

Streissler, E. (1990). The Influence of German Economics on the Work of Menger and Marshall. In B. Caldwell (Ed.). *Carl Menger and His Legacy in Economics* (pp. 31–68). Durham: Duke University Press.

Tambovtsev, V. L. (2021). *Vozmozhna li edinaya institutsional'naya ekonomicheskaya teoriya? [Is Unified Institutional Economics Possible?]*. *Voprosy Ekonomiki*, 1, 33–51. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-33-51> (In Russ.)

Teece, D. J. (2019). A Capability Theory of the Firm: An Economics and (Strategic) Management Perspective. *New Zealand Economic Papers*, 53 (1), 1–43. <https://doi.org/10.1080/00779954.2017.1371208>

Welzel, Ch. (2017). *Rozhdenie svobody [Freedom Rising]*. Moscow, Russia: Russian Public Opinion Research Center, 403. (In Russ.)

Whaley, L. (2018). The Critical Institutional Analysis and Development (CIAD) Framework. *International Journal of the Commons*, 12 (2), 137–161. <https://doi.org/10.18352/ijc.848>

Информация об авторе

Бирюков Виталий Васильевич — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления персоналом, Омская гуманитарная академия; <https://orcid.org/0000-0002-3385-3603> (Российская Федерация, 644105, г. Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а; e-mail: sciencebvv@gmail.com).

About the author

Vitaly V. Biryukov — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Department of Economics and Personnel Management, Omsk Humanitarian Academy; <https://orcid.org/0000-0002-3385-3603> (2a, 4th Cheluskintsev St., Omsk, 644105, Russian Federation; e-mail: sciencebv@gmail.com).

Дата поступления рукописи: 28.02.2023.

Прошла рецензирование: 17.03.2023.

Принято решение о публикации: 22.08.2023.

Received: 28 Feb 2023.

Reviewed: 17 March 2023.

Accepted: 22 Aug 2023.